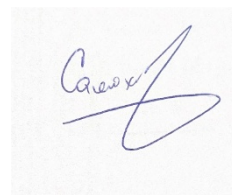

На правах рукописи

Салахов Марат Рустэмович

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ:
МИССИОНЕРСКАЯ И ИСЛАМОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЕВФИМИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЛОВА (1835–1918)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата

исторических наук

Казань 2026

Работа выполнена в ЧУВО «Российский исламский институт»

Научный руководитель: Мухаметшин Рафик Мухаметшович, доктор политических наук, профессор, ректор ЧУВО «Российский исламский институт»

Официальные оппоненты:

Хохлов Александр Анатольевич, доцент, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Старостин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.

Ведущая организация:

Институт истории, археологии и этнографии - обособленное подразделение ФГБУН Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Защита состоится «08» октября 2026 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций 72.1.001.01 (Д 022.006.01) при государственном научном бюджетном учреждении «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20. Электронная версия автореферата и диссертации размещена на официальном сайте Академии наук Республики Татарстан <https://www.antat.ru/> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <https://vak.gisnauka.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Губайдуллин А.М.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование исламоведения в рамках православно-миссионерской традиции Российской империи представляет существенный научно-теоретический интерес в контексте актуальных проблем полиэтничного и поликонфессионального устройства современного российского социума. Исторический опыт имперского регулирования этноконфессиональных отношений, включая его научную рефлексию, сохраняет свою актуальность как для историографии, так и для формирования моделей межкультурного диалога.

Ключевым институтом, определившим становление российского исламоведения, стала Казанская духовная академия – базовая структура казанской школы миссионерского востоковедения¹, характеризовавшаяся органическим сочетанием конфессионально-просветительских задач с методами академического исследования. В ряду наиболее значимых представителей школы – Н.И. Ильминского, Г.С. Саблукова, Н.П. Остроумова, П.К. Жузе – выделяется фигура Е.А. Малова (1835-1918), чья разносторонняя деятельность (научная, педагогическая, миссионерская, идеологическая) наиболее полно отразила внутреннюю противоречивость казанского исламоведения конца XIX – начала XX вв.: стремление к объективному изучению ислама сочеталось с его апологетической критикой в контексте христианизаторских интенций имперской власти.

Анализ научного наследия Е.А. Малова дает возможность реконструировать методологический аппарат, институциональные механизмы и ценностно-смысловые ориентации миссионерского востоковедения, а также провести дифференцированную оценку его вклада в развитие отечественной ориенталистики

---

¹ Под «казанской школой миссионерского востоковедения» в настоящем исследовании понимается направление, сформировавшееся во второй половине XIX – начале XX века при Казанской духовной академии и ориентированное на изучение ислама, арабского и тюркских языков в целях православной миссии среди мусульманского населения Российской империи. В отличие от светской востоковедческой традиции Казанского университета, эта ветвь сочетала богословскую направленность с высокой филологической и историко-культурной компетентностью, что определило ее особое место в истории российского исламоведения.

и его роли в реализации колониальных практик, обостривших социальную напряженность в Волго-Уральском регионе. Подобный ретроспективный анализ, предполагающий критическое разграничение научного содержания и идеологических наслоений, представляет существенный интерес как для историографии, так и для прикладных исследований в сфере этноконфессиональной политики.

Степень разработанности темы. Историография взаимоотношений государства и Церкви в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. достаточно обширна. Вместе с тем проблема исламоведения в контексте православно-миссионерской деятельности, особенно на материале Казанской духовной академии (КазДА), остается дискуссионной и требует дополнительной конкретизации.

Историографию по теме можно разделить на отечественную и зарубежную. Внутри российской традиции выделяются три условных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

Дореволюционные источники и исследования содержат ценные сведения о деятельности КазДА и ее востоковедческой традиции. Особое внимание уделялось фигуре Е.А. Малова – профессора, миссионера и одного из инициаторов создания Братства святителя Гурия. Сведения о нем и его коллегах содержатся в работах А.А. Благовещенского, И.А. Гвоздева, Б.В. Титлинова, П.В. Знаменского, И.А. Бердникова, А.А. Царевского и К.В. Харламповича².

---

² Бердников И.А. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842–1892 гг. Казань, 1892. 115 с.; История старой Казанской духовной академии, 1797–1818 г. / сост. А. Благовещенский. Казань: Унив. тип., 1875. 207 с.; Гвоздев И.А. Двадцатипятилетие Казанской духовной академии: ист. записка, чит. в общем собрании членов конф. Казан. духовной акад. 8 ноября 1867 г. Казань: Унив. тип., [1868]. 106 с.; Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань: Тип. имп. ун-та, 1891–1892. Вып. 1–3; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильно: Тип. «Рус. почин», 1909. Вып. 2. 421 с.; Харлампович К.В. Казанская духовная академия (1842–1907) // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т. 8. С. 702–853; Пятидесятилетний юбилей Казанской духовной академии / под ред. А. Царевского, А. Попова. Казань, 1893. 467 с.

Существенную критическую оценку трудов Е.А. Малова, А.С. Архангельского и М.А. Машанова дал В.Р. Розен в рецензиях, опубликованных в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» в 1880–1890-х гг. Отдельные сюжеты, связанные с Е.А. Маловым, затрагивались также С.А. Терновским³ и архиепископом Иннокентием (И.И. Ястребовым)⁴.

В советское время (в первую очередь в 1920-1940-е гг.) тема была практически вытеснена из научного поля. Лишь в обобщающих трудах – например, у Е.А. Беляева⁵ – встречались краткие упоминания о Е.А. Малове. Активный интерес к Казанской школе миссионерского востоковедения возобновился лишь с 1950-х гг. Б.М. Данциг, И.Ю. Крачковский и Н.А. Смирнов⁶ одними из первых в СССР обратили внимание на противомусульманское миссионерское отделение КазДА. И.Ю. Крачковский, в частности, подчеркивал утилитарный, а не академический характер казанского исламоведения, хотя и отмечал роль его представителей в сохранении традиций арабистики.

Постсоветский период ознаменовался значительным расширением источникового и исследовательского поля. Вклад в изучение КазДА внесли Н.А.

---

³ Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892 гг. Казань: Тип. имп. ун-та, 1892. С. 423–427.

⁴ См.: Ястребов И.И. Миссионер Высокопреосвященный Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский: исследование по истории развития миссионерства в России. Казань: Тип. имп. ун-та, 1898. 416 с.

⁵ Беляев Е.А. Библиография по исламу на русском языке // Ислам. М., 1931. С. 152–153.

⁶ Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1968. 212 с.; Он же. Ближний Восток в русской науке и литературе: дооктябрьский период. М.: Наука, 1973. 432 с.; Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 5. Очерки по истории русской арабистики. Русские и зарубежные востоковеды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 564 с.; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 272 с.; Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 276 с.

Мазитова⁷ и ее ученик Р.М. Валеев⁸, обратившие внимание на научную обоснованность исламоведческих трудов и глубокое знание арабских текстов.

В коллективной монографии «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года»⁹ впервые была предпринята попытка совместить анализ миссионерских целей с оценкой научного вклада казанских востоковедов.

С 1990-х гг. появился ряд специализированных исследований:

Д.Ш. Муфтахутдинова рассматривала КазДА и Братство св. Гурия как инструменты государственной миссионерской политики;

М.З. Хабибуллин в исследовании, посвященном М.А. Машанову реконструировал интеллектуальный контекст и систему научных контактов казанских исламоведов;

А.В. Журавский проследил эволюцию КазДА в 1884–1921 гг., включая ее институциональные связи с церковной и государственной системами;

Е.В. Колесова исследовала противомусульманское отделение как центр подготовки миссионеров;

К.С. Степанов анализировал последствия революции 1905 г. для церковной жизни;

М.А. Кострюков в биографическом исследовании, посвященном П.К. Жузе, рассмотрел отдельные аспекты деятельности Братства св. Гурия¹⁰;

---

⁷ Мазитова Н.А. Изучение ислама в Казани в XIX в. // Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 189–196; Она же. М.А. Машанов и проблемы исследования ислама в Казани в конце XIX – начале XX в. // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989. С. 89–98; Она же. Востоковедение в Казанском университете в первой половине XIX в. // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Казань, 1997. С. 8–11.

⁸ Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань: Казань, 1993. 103 с.; Он же. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 380 с.

⁹ См.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. А.А. Вигасин [и др.]. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. 536 с.

¹⁰ Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья: вторая половина XVI – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 154 с.; Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 301 с.; Степанов К.С. Русская православная церковь в политической жизни Казанской губернии в первые десятилетия XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 211 с.; Колесова Е.В.

Р.Р. Исхаков изучал миссионерство среди мусульман Поволжья с XVIII по начало XX вв.¹¹

Кроме того, в работе использованы труды А.К. Рзаева, М.А. Абдуллаева, Я. Алиева, Н.А. Кузнецовой, А.Н. Кононова, М.А. Усманова, С.Х. Алишева, А.Г. Базанова, В.М. Горохова, Е.Ф. Грекулова, И.К. Загидуллина, Б.П. Кандидова, К.А. Каменева, М.А. Лившица, А.В. Лунина, Д.З. Мардановой, А.В. Крестьянинова¹² и других, посвященные политике христианизации, деятельности Братства св. Гурия и церковно-государственным отношениям.

Несмотря на насыщенность исследовательского поля, системного, целостного анализа фигуры Е.А. Малова – в совокупности его научной, педагогической и миссионерской ролей – до сих пор не существует. Большинство работ либо

Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX веков): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.

¹¹ Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. 221 с.

¹² Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу: (социал. и нац.-освобод. борьба тат. народа. II пол. XVI – XIX вв.). Казань: Фэн, 1999. 156 с.; Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на крайнем Севере: Тобольский Север. Л.: Ин-т народов Севера им. П.Г. Смидовича Главсевморпути при СНК СССР, 1936. 132 с.; Он же. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере: ист. очерки. Архангельск: Севкрайгиз, 1936. 73 с.; Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань: Татгосиздат, 1941. 260 с.; Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 192 с.; Он же. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 184 с.; Загидуллин И.К. К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 г. // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С. 66–78; Он же. Взаимоотношения православия и ислама в Среднем Поволжье // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Казань, 1993. С. 155–159; Он же. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. 223 с.; Кандидов Б.П. Религия и Октябрьская революция. М.: Тип. изд-ва «Крест. газ.», 1932. 109 с.; Каменев С.А. Церковь и просвещение в России. М.: Безбожник, 1930. 201 с.; Лившиц М.Л. Религия и церковь в прошлом и настоящем. Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. 233 с.; Он же. Религия и церковь в истории общества. Минск: Вышэйш. школа, 1980. 351 с.; Лунин А.В. Октябрьская революция и церковь. М.: Журн. «Безбожник у станка», 1925. 36 с.; Марданова Д.З. Хасан-Гата Габаша против миссионера Евфимия Малова: пример мусульманско-христианской полемики конца XIX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 4. С. 343–372; Крестьянинов А.В. Миссионерские дневники Е.А. Малова: реализация религиозной политики в Поволжье в конце XIX – начале XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 94–102.

фрагментарны, либо включают его лишь как часть институциональной истории КазДА.

В зарубежной историографии миссионерская деятельность в Российской империи получила более последовательное освещение. Среди ведущих авторов – А. Беннигсен, Ф. Беннигсен-Брайан, М. Батунский, Р. Джераси, Р. Пайпс, П. Верт¹³.

Ф. Беннигсен-Брайан считала, что приоритетом миссионерства было не обращение мусульман, а ограничение влияния ислама среди нестабильных в конфессиональном плане групп населения.

М. Батунский выявил в трудах казанских востоковедов устойчивую модель религиозной конфронтации, уходящую корнями в православную догматику и восприятие ислама как угрозы имперскому порядку.

Р. Джераси трактовал миссионерство как элемент колониальной стратегии, а КазДА – как ее главный академический инструмент.

П. Верт, в свою очередь, отмечал, что отдельные преподаватели КазДА, несмотря на идеологическую заданность, стремились к объективному пониманию ислама.

Особняком стоит монография турецкой исследовательницы Саиме Гёкгёз (университет Хаджеттепе, Анкара), изданная в 2007 г. под названием «Евфимий Александрович Малов: антиисламская миссионерская политика России в Волго-Уральском регионе»¹⁴. Несмотря на то, что работа выходит за рамки обобщающих исследований, она носит явно критический, в определенной мере предвзятый характер, в оценке Русской православной церкви и политики царизма. Труд был

---

¹³ Batunsky M. Russian missionary literature on islam // *Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte*. 1987. Vol. 39, № 3. P. 253–266; Bennigsen A., Ch. Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. New York: Praeger, 1967. 272 p.; Фанни Беннигсен-Брайан: «Интерес к Востоку у нас в крови» / беседовал Х. Зарипов // *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 1996. № 3/4. С. 188–192; Беннигсен-Брайан Ф. Миссионерская деятельность в Поволжье // *Татарстан*. 1994. № 1/2. С. 110–113; Geraci R.P. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 389 p.; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газ., 1993. 421 с.; Werth P.W. Subjects for Empire: Orthodox mission and imperial governance in the Volga-Kama region. 1825–1881. USA: University of Michigan, 1997. 427 p.

¹⁴ Gokgoz S.S. Yevfimiyy Aleksandrovic Malov. Idil – Uralda islam karsiti rus misyon siyasete I. Ankara: Hacettepe Universitesi, 2007. 573 b.

переведен автором диссертации с турецкого языка и использован с учетом его идеологической предвзятости.

Таким образом, в существующей научной литературе до сих пор не хватает исследования, способного в едином подходе соединить разные грани деятельности Е.А. Малова – его научную, педагогическую, миссионерскую и институциональную ипостаси – и тем самым раскрыть его роль как одной из центральных фигур Казанской школы миссионерского востоковедения.

Источниковая база исследования сформирована с соблюдением принципов системности, репрезентативности и типологической классификации, что обеспечило всесторонний анализ темы. В рамках общепринятой методологии источники классифицируются на *опубликованные*, *неопубликованные* и *источники личного происхождения*. Такой подход обеспечивает всестороннее освещение как институционального, так и индивидуального измерений деятельности Е. А. Малова.

1. Опубликованные источники. Эта группа включает как сочинения самого Е.А. Малова, так и материалы, отражающие интеллектуальный и институциональный контекст его работы. Научно-миссионерское наследие Е.А. Малова представлено широким спектром публикаций. Среди ранних работ – исследование о приходах старо- и новокрещенных татар (1865)¹⁵, а также цикл статей в журнале «Православный собеседник» (1867–1872), позднее вышедший отдельными изданиями и посвященный таким темам, как устройство татарских

---

¹⁵ Малов Е.А. Приходы старокрещенных и новокрещенных татар в Казанской епархии. М.: Унив. тип., 1866. 87 с.

мечетей¹⁶, новокрещенские школы XVIII в.¹⁷, религиозное состояние крещеных татар¹⁸ и особенности миссионерской практики в Казанской епархии¹⁹.

К более поздним трудам относятся: работа о Новокрещенской конторе (1878)²⁰, исследование о чувашах (1882)²¹, диалог с мусульманским муллой об образе Адама в Библии и Коране (1885)²², рассуждения о Моисеевом законодательстве (1890)²³, сочинение «Вразумление старообрядцам» (1891)²⁴, критический разбор «Мухаммеданского букваря» (1894)²⁵, анализ мусульманского учения о конце света (1897)²⁶ и другие. Большинство из этих текстов впервые публиковались в периодике и отражают переход Е.А. Малова от прикладной миссионерской практики к систематическому исламоведческому анализу.

Значительное место в источниковом массиве занимают труды других представителей Казанской школы миссионерского востоковедения – Г.С. Саблукова, Н.П. Остроумова, Я.Д. Коблова, П.К. Жузе, М.А. Машанова и др., позволяющие воссоздать общую методологическую среду, в которой формировались взгляды Е.А. Малова.

¹⁶ Малов Е.А. О татарских мечетях в России // Православный собеседник. 1868. Ч. 1. С. 3–45; в виде отдельного издания: Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань: Унив. тип., 1868. 80 с.

¹⁷ Малов Е.А. О новокрещенских школах в XVIII в.: публичная лекция, читалась в Казани 7 апреля 1868 года // Православное обозрение. 1868. Т. 3. С. 93–123.

¹⁸ Малов Е.А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства (Миссионерский дневник) // Православный собеседник. 1871. Ч. 3, ноябрь. С. 234–255.

¹⁹ Малов Е.А. Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Казань: Тип. имп. ун-та, 1892. 462 с.

²⁰ Малов Е.А. О новокрещенской конторе: речь, произнесенная в торжественном годовичном собрании Казанской духовной академии. 1878 г. Казань: Тип. имп. ун-та, 1878. 208 с.

²¹ Малов Е.А. О чувашах // Православный собеседник. 1882. Ч. 1. С. 40–73.

²² Малов Е.А. Об Адаме по учению Библии и по учению Корана: разговоры прот. Евфимия Малова с ученым муллой. Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. 241 с.

²³ Малов Е.А. Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана: опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране протоиерея Е.А. Малова. Казань: Тип. имп. ун-та, 1890. 150 с.

²⁴ Малов Е.А. Об «аллилуия». Вразумление старообрядцам. Казань: Тип. имп. ун-та, 1891. 40 с.

²⁵ Малов Е.А. Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк). Казань: Тип. имп. ун-та, 1894. 112 с.

²⁶ Малов Е.А. Ахыр заман китаби: мухаммеданское учение о кончине мира. Казань: Тип. имп. ун-та, 1897. 96 с.

К опубликованным источникам также причисляются официальные издания и периодические материалы:

- нормативные акты («Полное собрание законов Российской империи», уставы духовных академий, синодальные указы), задающие правовые рамки миссионерской и образовательной деятельности;

- корпоративные издания Казанской духовной академии — «Памятные книжки», «Годичные акты», «Отчеты о состоянии академии», «Протоколы заседаний Совета» и приложения к ним, фиксирующие внутреннюю жизнь учреждения;

- миссионерская периодика: «Православный собеседник», «Миссионерский противомусульманский сборник», «Церковно-общественная жизнь», где публиковались как оригинальные статьи Е.А. Малова, так и рецензии на его работы, полемические дискуссии и аналитические материалы по межконфессиональным вопросам.

2. Неопубликованные источники. Архивные документы составляют наиболее информативную часть источникового корпуса, поскольку позволяют выйти за рамки официального дискурса и реконструировать повседневную практику, личные убеждения и механизмы институционального функционирования.

Институциональный контекст реконструируется по фондам Государственного архива Республики Татарстан:

- фонд № 10 (Казанская духовная академия) – содержит личные отчеты Е.А. Малова, материалы его служебных командировок, а также документы, отражающие научно-педагогическую деятельность коллег: отчеты о поездках на Восток, оценки студенческих работ, рецензии и внутренние оценки преподавателей;

- фонд № 968 (архив Н.И. Ильминского) – включает переписку с Е.А. Маловым, К.П. Победоносцевым и другими деятелями, а также сведения о деятельности противомусульманского отделения;

– фонды № 4 (Казанская духовная консистория), № 885 (Братство святителя Гурия), № 1207 (Комиссия по изданию «Миссионерского противомусульманского сборника») – содержат деловую переписку, протоколы заседаний, финансовые отчеты, отражающие организацию миссионерской и просветительской работы;

– фонд № 977 (Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете) – включает протоколы и отчеты, фиксирующие научную и общественную активность Е.А. Малова.

Центральное значение имеет *личный фонд Е.А. Малова* (фонд № 7, Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ), содержащий уникальные неопубликованные дневники:

– «Миссионерские заметки» (1861–1871, 1879–1881, 1884–1888, 1900–1902);

– «Миссионерские беседы с мухаммеданами» (1902–1903, 1903–1905, 1905; 1909),

– «Миссионерские заметки по мухаммеданству и о язычниках» (1907–1912).

Эти рукописи фиксируют непосредственные наблюдения, аргументативные стратегии и трансформацию его отношения к исламу на протяжении нескольких десятилетий.

Дополнительные материалы личного характера находятся в следующих собраниях:

– фонд № 56 (Центр письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ «Мирасхан»), где хранятся дневники Е.А. Малова (1881, 1887, 1893–1895, 1915–1917 гг.) и разрозненные документы;

– фонд № 150 (Национальный музей Республики Татарстан), включающий послужной список, частную переписку, грамоту на дворянство и семейный фотоархив.

3. Источники личного происхождения. В эту категорию входят биографические материалы: некрологи, мемуары современников, справочные издания (в частности, «Списки воспитанников Казанской духовной академии»), а также эпистолярные свидетельства – прежде всего письма Н.И. Ильминского,

позволяющие воссоздать неформальные связи, стратегии влияния и особенности конфессиональной политики эпохи.

Таким образом, источниковая база диссертации охватывает широкий спектр документальных материалов различного характера – от государственных регулятивов до личного дневникового дискурса – и соответствует современным методологическим стандартам исторического анализа. Комплексное использование этого материала позволяет не только реконструировать биографию и научное наследие Е.А. Малова, но и выявить специфику миссионерского исламоведения как особой формы знания в условиях Российской империи.

Объектом исследования является востоковедческая и миссионерская деятельность профессора Казанской духовной академии Е.А. Малова во второй половине XIX – начале XX вв.

Предметом исследования является вклад Е.А. Малова в развитие востоковедения в Казанской духовной академии.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение исламоведческой и миссионерской деятельности Е.А. Малова во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте развития казанской традиции востоковедения и православно-миссионерской политики Российской империи.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационного исследования предполагается последовательное решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть истоки и этапы формирования казанской востоковедческой традиции, включая ее институциональные основы и связь с миссионерской политикой Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX вв.).

2. Охарактеризовать роль Казанской духовной академии как ведущего центра исламоведческих исследований и подготовки миссионерских кадров на протяжении второй половины XIX – начала XX вв.

3. Реконструировать жизненный и профессиональный путь Е.А. Малова, выделив ключевые этапы его становления как ученого-исламоведа и педагога.

4. Проанализировать содержание и направленность миссионерской деятельности Е.А. Малова, в том числе в составе Братства св. Гурия, с учётом

исторических условий и организационной структуры православного миссионерства.

5. Изучить научное наследие Е.А. Малова, посвященное исламу, с целью выявления его методологических принципов, характера используемой им источниковой базы и степени сочетания академического анализа с религиозной полемикой.

Теоретическая и методологическая основа исследования базируется на принципах анализа исторических событий, предложенных философской герменевтикой XX в., так как объяснение части из целого позволяет применить методы ситуационного анализа при анализе источников и литературы и понять суть поведения субъектов исторического процесса в определенном историческом контексте.

Данное исследование опирается на ключевые методологические принципы исторического познания, обеспечивающие целостный, всесторонний и системный подход к анализу изучаемого феномена:

1. Принцип историзма требует рассматривать явления в контексте их развития и взаимосвязи с историческими эпохами. В данной работе этот принцип применяется для анализа деятельности Е.А. Малова в области востоковедения, учитывая глобальные интеллектуальные и религиозно-культурные процессы XIX – начала XX вв. Такой подход позволяет выявить особенности его работы и связать их с развитием науки и политики в Российской империи.

2. Принцип целостности рассматривает Е.А. Малова как часть истории России. Это помогает понять взаимосвязь его научной, педагогической и миссионерской деятельности с развитием востоковедения, а также его влияние на современность.

3. Сравнительно-исторический принцип используется для анализа педагогической, миссионерской и научной работы Е.А. Малова в контексте востоковедения Казани и России. Это позволяет оценить его вклад в развитие российской ориенталистики и выявить влияние внешних факторов на его деятельность.

4. Проблемно-хронологический принцип изучает историческое явление в контексте общественных изменений. Он позволяет анализировать деятельность Е.А. Малова в связи с общественно-политическими переменами в России. Этот подход выявляет, как политика и общество влияли на его научные направления, методы исследования и педагогические стратегии, а также показывает, как он адаптировался к новым условиям.

Были использованы следующие методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный; биографический (биография Е.А. Малова), ретроспективный (исследовано наследие Е.А. Малова с точки зрения его применимости в современных условиях) и метод терминологического анализа (анализ терминов и понятий, использовавшихся Е.А. Маловым). При использовании того или иного общ исторического метода применялись и другие общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т. д.).

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах:

1. Введение в научный оборот новых источников. В работе впервые введены в научный оборот ранее неизвестные или малоизученные архивные документы, рукописи, письма и другие материалы, связанные с жизнью и деятельностью Е.А. Малова. Эти источники позволяют значительно расширить и углубить представления о его вкладе в различные области науки и общественной жизни.

2. На основе сопоставления биографических материалов и данных о деятельности академических и церковных учреждений впервые установлено, что Е.А. Малов, сочетая профессорскую службу в Казанской духовной академии с руководящей ролью в Братстве св. Гурия, стал ключевой фигурой в развитии казанского исламоведения второй половины XIX – начала XX вв.

3. Впервые дана комплексная критическая оценка исламоведческого наследия Е.А. Малова, охватывающая его труды по Корану, жизнеописанию пророка Мухаммеда и религиозным практикам мусульман Поволжья. Впервые обосновано положение о том, что в его научном наследии академическая аргументация органично синтезируется с полемическими приемами и миссионерскими задачами,

что позволяет переосмыслить методологический характер казанского исламоведения рубежа XIX–XX вв.

4. Впервые обосновано положение о том, что педагогическая деятельность Е.А. Малова, выраженная в разработке учебных курсов по «антимусульманской полемике» и непосредственной подготовке миссионерских кадров, выступала практическим механизмом реализации имперской миссионерской политики, что позволяет рассматривать его образовательные инициативы как структурный элемент государственно-церковной конфессиональной системы.

5. Впервые на материале публицистических выступлений и церковно-общественной полемики раскрыты концептуальные взгляды Е.А. Малова на межконфессиональные отношения, что позволило обосновать его роль не только как исследователя ислама, но и как влиятельного идеолога православной миссионерской политики Российской империи.

В совокупности исследование расширяет представления о Казанской школе миссионерского востоковедения, государственной миссионерской политике и формировании российского научного дискурса об исламе в позднеимперский период.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что работа вносит вклад в уточнение историографических представлений о развитии отечественного востоковедения, православного миссионерства и взаимодействия церкви с государственными структурами в Российской империи. На основе анализа деятельности Е.А. Малова уточняются содержательные, методологические и институциональные черты Казанской школы миссионерского востоковедения, а также определяется его роль как одного из ее ключевых деятелей.

Полученные результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории российского востоковедения, а также при создании учебных курсов по истории Русской православной церкви, религиозной и национальной политики Российской империи, истории образования и межконфессиональных взаимоотношений в Поволжье.

Кроме того, изучение миссионерских подходов и исламоведческих воззрений Е.А. Малова позволяет глубже понять исторические модели сотрудничества, конкуренции и регулирования между православной церковью, имперской администрацией и мусульманскими общинами. Этот опыт сохраняет релевантность в свете современных дискуссий о религиозном многообразии и государственной политике в сфере конфессиональных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Казанское востоковедение второй половины XIX – начала XX вв. формировалось как прикладная дисциплина в русле православной миссии. Отказ от политики насильственной христианизации в Российской империи обусловил переход во второй половине XIX в. к критике ислама на основе глубокого знания языков, вероучения, религиозных текстов и культуры мусульман, что определило особенности преподавания в Казанской духовной академии.

2. Конфессионально-миссионерская направленность обуславливала тематику исследований и педагогическую практику учёных Казанской школы миссионерского востоковедения. В отличие от сторонников просветительской интеграции, Е.А. Малов отдавал приоритет полемико-апологетической аргументации, направленной на систематическую критику исламского вероучения с позиций православной догматики.

3. Исламоведческие труды Е.А. Малова сочетают апологетическую направленность с высоким уровнем текстологической и историко-этнографической компетентности. Несмотря на конфессиональную заданность, они содержат ценные источниковедческие сведения по Корану, биографии пророка Мухаммеда и религиозной практике мусульман Поволжья, внося значимый вклад в отечественное исламоведение.

4. Деятельность Е.А. Малова иллюстрирует внутреннее противоречие «просвещённой миссии» поздней империи: стремление к обращению через знание и убеждение наталкивалось на рост религиозного и национального самосознания мусульманских народов, что снижало эффективность даже официально поддерживаемых миссионерских программ.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были изложены на научных конференциях:

I международный исламоведческий научно-практический симпозиум «Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы» (Россия, Казань, 19–20 февраля 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Исламское образование в России и за рубежом» (Россия, Казань, 27–30 сентября 2009 г.); Итоговая научно-практическая конференция «История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований» (Россия, Казань, 26–27 февраля 2009 г.).

Основные положения диссертации отражены в 12 опубликованных научных работах автора, в том числе в 4 изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и 1 научном издании (книга).

Диссертация обсуждена на заседании отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (протокол № 2 от «29» января 2026 г.) и рекомендована к защите по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, а также списка сокращений. Общий объём диссертации составляет 223 страницы. Библиографический аппарат включает 413 наименований (253 источника и 160 научных работ).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрыты актуальность и степень научной разработанности темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, представлены методологические основы и источниковая база, установлены научная новизна и значимость работы, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Казанское востоковедение во второй половине XIX – начале XX вв.: традиции и институциональные основы**» исследован процесс и

контекст формирования востоковедения как научного направления в Казани в указанный период.

Первый параграф первой главы «**Истоки казанской востоковедческой традиции: миссионерство и политика христианизации (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.)**» раскрывает истоки Казанской школы востоковедения во второй половине XVIII – первой трети XIX в. Несмотря на то что хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX в., для адекватного понимания генезиса и специфики Казанской школы востоковедения в параграфе затрагиваются ее корни, уходящие во вторую половину XVIII в.

Учрежденная в 1740 г. Контора новокрещенных дел интегрировала церковь в имперскую политику христианизации, сочетая миссию с административным контролем и русификацией. Однако с 1764 г., при Екатерине II, принудительная христианизация была свернута, а миссионерство оставлено на усмотрение местных епископов без системной подготовки кадров.

К началу XIX в. церковное востоковедение оказалось в кризисе: священники не знали языков прихожан, миссионерские дисциплины носили факультативный характер, а обучение – схоластический. Поворотным моментом стала инициатива архиепископа Серапиона: в 1800 г. при Казанской духовной академии открылся курс татарского языка под руководством А.А. Троянского, составившего «Краткую татарскую грамматику» (1814) и двухтомный словарь (1833). Его методика легла в основу подготовки миссионеров в Поволжье и Сибири.

После его смерти в 1824 г. преподавание деградировало: курсы вели слабо подготовленные священники, материалы не обновлялись, а знание языка не давало карьерных преимуществ. Миссионерство свелось к раздаче льгот (например, освобождения от податей), что не способствовало устойчивому обращению инородцев в православие. Массовые «отпадения» крещеных татар в 1803 и 1827–1830 гг. подтвердили неэффективность подхода.

Как отмечал Е.А. Малов, без лингвистической компетентности и понимания культурного контекста миссия была обречена. Лишь с воссозданием Казанской

духовной академии в 1842 г. началось институциональное возрождение исламоведческой и языковой подготовки.

Во втором параграфе первой главы **«Становление и развитие Казанской школы востоковедения во второй половине XIX – начале XX вв.»** уточняется, что под «Казанской школой миссионерского востоковедения» понимается преимущественно ее миссионерская ветвь, сформировавшаяся во второй половине XIX – начале XX вв. в Казанской духовной академии (КазДА). После перевода Восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербург (1855) именно КазДА стала главным центром изучения ислама в империи.

Казанская школа миссионерского востоковедения сочетала богословскую направленность с высокой филологической, исторической и этнографической подготовкой. Изучение арабского, тюркских языков, Корана и исламской традиции служило, в первую очередь, не академическим целям, а православной миссии, требуя глубокого понимания внутренней логики ислама – в отличие от описательного подхода западных ориенталистов.

Ключевую роль сыграли Н.И. Ильминский, заложивший основы просвещения на родных языках, и его преемники – Г.С. Саблуков, Е.А. Малов, Н.П. Остроумов, М.А. Машанов – первые в России профессиональные миссионеры-исламоведы. Они владели языками, использовали исламские источники (тафсиры и фикх), переводили Коран и анализировали локальные формы ислама.

Несмотря на идеологическую предвзятость, их труды содержат ценный эмпирический материал и методологическую строгость. Рукописи Е.А. Малова фиксируют не только миссионерскую стратегию, но и социокультурную реальность мусульманских общин.

Казанская школа миссионерского востоковедения развивалась в русле имперской конфессиональной политики, став инструментом русификации. Однако ее парадигма, основанная на интеграции через религиозную замену, оказалась внутренне противоречивой и отражала кризис управления многоконфессиональным обществом.

Таким образом, казанское миссионерское востоковедение – уникальный феномен, заложивший основы российского исламоведения и тюркологии. Его ценность не в объективности, а в источниковом богатстве и методологической рефлексии в условиях идеологического заказа.

В третьем параграфе первой главы **«Казанская духовная академия как центр исламоведческих исследований (вторая четверть XIX – начало XX вв.)»** показано, как Казанская духовная академия, учрежденная в 1842 г., стала ведущим центром миссионерского исламоведения в Российской империи. Уже в середине XIX в. в ней были созданы миссионерские отделения («противомусульманское», «противобуддийское» и др.), а ключевую роль в их становлении сыграли А.К. Казем-Бек, А.В. Попов, а затем Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов и Н.П. Остроумов.

Центральное место занимала лингвистическая подготовка: студенты изучали татарский, арабский, турецкий и другие языки, проходили практику с носителями (включая К. Насыри) и отправлялись в командировки на Ближний Восток – как Н.И. Ильминский в 1851–1854 гг. Это обеспечивало сочетание языковой компетентности с глубоким знанием исламской догматики и практики.

Несмотря на то, что ислам в КазДА рассматривался преимущественно как «ложное учение», подлежащее опровержению, именно в этой миссионерской парадигме сформировалась Казанская школа миссионерского востоковедения: был выполнен первый научный перевод Корана, критически осмыслен корпус хадисов, собрана значительная источниковая база. Е.А. Малов, Г.С. Саблуков и Н.П. Остроумов стали первыми в России профессиональными миссионерами-исламоведами, соединявшими полемику с научным подходом.

Таким образом, КазДА выступила не только инструментом миссионерской политики, но и важнейшим очагом зарождения отечественного исламоведения, заложившим основы научного изучения ислама – несмотря на его идеологическую обусловленность.

Вторая глава «Основные вехи жизни и деятельности Е.А. Малова» посвящена непосредственно личности Е.А. Малова как исламоведа и миссионера.

В первом параграфе второй главы «**Биографические и профессиональные этапы становления ученого-исламоведа**» исследуется биография Е.А. Малова. Он родился 20 января 1835 г. в селе Тереньга Сенгилеевского уезда Симбирской губернии в семье священника. Начальное образование получил в Симбирской духовной семинарии. В 1858 г. поступил в Казанскую духовную академию, по окончании которой в 1862 г. был назначен преподавателем в Казанскую духовную семинарию. В 1863 г. был переведен в КазДА на кафедру противомусульманских предметов с присвоением звания бакалавра.

В 1869 г. Е.А. Малов был рукоположен в священники Богоявленской церкви Казани с сохранением должности профессора, с 1880 г. – протоиерей, с 1886 г. – протоиерей кафедрального Благовещенского собора.

Е.А. Малов стал ординарным профессором Казанской духовной академии в 1885 г., а в 1886 г. получил звание заслуженного ординарного профессора. В 1901 г. за совокупность научных трудов Священным синодом ему была присуждена степень доктора богословия. Он был автором ряда полемических трудов, посвященных исламоведению и миссионерству, участником церковно-общественной жизни, в том числе членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1884 г.).

За заслуги перед Русской православной церковью и отечественной наукой был удостоен ряда государственных и церковных наград, включая ордена Святой Анны II степени (1867), Святого Владимира IV (1883) и III степени (1890), магистерский крест, наперсный крест, бархатную фиолетовую камилавку и ряд других отличий. В 1885 г. род Маловых был внесен в дворянскую родословную книгу Казанской губернии.

Е.А. Малов скончался 10 февраля 1918 г. в Казани и был похоронен на Арском кладбище.

Во втором параграфе второй главы «**Миссионерская деятельность Е.А. Малова**» рассматривается миссионерская деятельность Е.А. Малова в условиях кризиса православной миссии в Поволжье после 1860-х гг., вызванного массовым «отпадением» крещеных татар. Как преподаватель КазДА и

соучредитель Братства св. Гурия (1867), Е.А. Малов активно участвовал в создании школ, приютов и издании полемической литературы против ислама.

Первоначально разделяя подход Н.И. Ильминского – обучение на родном языке как средство укоренения христианства, Е.А. Малов позже от него отказался. К 1880–1890 гг., на фоне роста национального самосознания, он стал приверженцем ассимиляции через русификацию, считая использование татарского, чувашского языков и других национальных языков в миссии угрозой государственной целостности.

Он выступал против подготовки священников и учителей из числа инородцев и настаивал на преподавании исключительно на русском языке. Его позиция была тесно связана с участием в правомонархистском движении, включая «Союз русского народа». Для Е.А. Малова христианизация была цивилизационной миссией – приобщением «отсталых» народов к русской православной культуре, что противоречило просветительской модели Н.И. Ильминского.

В третьем параграфе второй главы **«Ислам как объект научного анализа в востоковедческом наследии Е.А. Малова»** показано, что научное наследие Е.А. Малова – яркий пример миссионерского исламоведения: оно сочетает глубокое владение арабским, татарским и еврейским языками и уверенное обращение к исламским первоисточникам с их конфессионально-полемической интерпретацией в русле православной миссионерской традиции. Его труды («Об Адаме», «О таинственной книге Гиллион», «О превосходстве Моисея перед пророками» и др.) отражают миссионерскую оптику автора: они были направлены не на непредвзятый анализ, а на конфессиональную критику ислама и апологетическое обоснование догматического превосходства православия.

Е.А. Малов рассматривал ислам как духовную и политическую угрозу, выступавшую источником «отпадения» крещёных татар и потенциальным фактором панисламистского сепаратизма. Его труды, опиравшиеся на текстологический анализ Корана, тафсиров и библейских памятников, носили устойчивую миссионерскую направленность и были ориентированы на выявление догматических противоречий, аргументацию тезиса о заимствованном характере

исламского вероучения и использование в полемике концепта «неграмотности» пророка Мухаммеда.

Ключевыми площадками для распространения его идей стали журнал «Православный собеседник» и «Миссионерский противомусульманский сборник», редактором и цензором которого был сам Е.А. Малов. Эти издания, публиковавшие как его сочинения, так и работы студентов, стали инструментами антимусульманской пропаганды. Несмотря на высокий филологический уровень и ценный эмпирический материал, его труды ограничены идеологической ангажированностью и отсутствием диалога с исламской традицией.

Академик В.Р. Розен критиковал такой подход как не соответствующий стандартам академической науки, однако труды Е.А. Малова пользовались высоким авторитетом в миссионерских кругах и стимулировали активную полемическую реакцию в мусульманской интеллектуальной среде, в частности выразившуюся в трудах-опровержениях Х.-Г. Габаши. Дневники и переписка Е.А. Малова раскрывают эволюцию взглядов от просветительства к жесткой полемике, а также практическую направленность его деятельности.

Таким образом, наследие Е.А. Малова – продукт «социального заказа» империи, где наука служила миссии, а исламоведение – укреплению православно-национальной гомогенности.

В заключении подводятся итоги, формулируются основные результаты исследования.

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу исламоведческой и миссионерской деятельности профессора Казанской духовной академии Е.А. Малова (1835–1918) в контексте развития казанской традиции востоковедения и конфессиональной политики Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Научная значимость работы определяется тем, что в ней впервые деятельность Е.А. Малова рассмотрена как целостный феномен, находящийся на пересечении академической науки, православного миссионерства и имперского управления. Реконструирован интеллектуальный контекст формирования «миссионерского исламоведения» как особой методологической модели,

сочетающей текстологическую компетенцию с конфессионально-полемической интерпретацией источников.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что казанское востоковедение второй половины XIX – начала XX вв. функционировало как центр прикладного знания, методология которого определялась задачами православной миссии. Казанская духовная академия в этот период превратилась в главный интеллектуальный узел, где формировалась особая научная традиция, сочетающая филологическую строгость, знание арабского и тюркских языков, анализ Корана и хадисов с критикой ислама с позиций православного богословия. Научная деятельность Е.А. Малова была органично встроена в эту систему: его труды по Корану, жизнеописанию пророка Мухаммеда и религиозным практикам поволжских мусульман сочетали высокий уровень языковой и текстологической подготовки с последовательной апологетико-полемической направленностью. Впервые обосновано положение о том, что научное наследие Е.А. Малова представляет собой синтез академического анализа и конфессиональной аргументации, что делает его важным, но методологически противоречивым вкладом в историю отечественного исламоведения.

Педагогическая и организационная деятельность Е.А. Малова также носила выраженный миссионерский характер. Разработанные им учебные курсы по «антимусульманской полемике» готовили кадры не к диалогу, а к интеллектуальной конфронтации, что отражало общую тенденцию позднеимперской эпохи: религия всё больше воспринималась как поле битвы идей. Участие Е.А. Малова в деятельности Братства св. Гурия позволяло координировать просветительские и полемические инициативы на обширных территориях Волго-Уральского региона и Сибири, превращая казанское исламоведение в элемент государственной системы управления этноконфессиональным разнообразием. При этом его позиция отличалась радикальным охранительством: он отвергал культурную автономию «инородцев», выступал за сокращение преподавания татарского, чувашского и других языков в национальных школах и считал священников из числа местных народов нежелательным элементом системы, видя

в них зародыш национальной элиты, способной препятствовать религиозной унификации империи.

Исторический анализ показывает, что конфронтационная модель миссионерства, реализуемая Е.А. Маловым и его единомышленниками, оказалась исторически непродуктивной. Агрессивная полемика и отрицание культурного своеобразия мусульманских народов способствовали не интеграции, а консолидации мусульманской идентичности, росту влияния джадидизма и массовому «отпадению» крещёных татар после Манифеста 1905 г. Деятельность Е.А. Малова, таким образом, иллюстрирует фундаментальный парадокс позднеимперской политики: стремление к религиозной унификации посредством идеологического давления порождало обратный эффект – усиление этноконфессионального самосознания и отчуждение от православного центра. Церковь, превратившаяся в инструмент государственной политики, утратила духовный авторитет, а бюрократизация миссионерской деятельности сделала её инертной и неспособной гибко реагировать на социальные изменения.

В диссертации впервые введён в научный оборот комплекс архивных и опубликованных материалов, позволяющий реконструировать не только позицию Е.А. Малова, но и ответную реакцию мусульманской интеллектуальной среды, включая полемические опровержения Х.-Г. Габаша и других авторов. Это даёт основание рассматривать миссионерское исламоведение не как монолог власти, а как поле интеллектуального взаимодействия, что расширяет представление о механизмах формирования имперского знания. Историографический обзор подтверждает, что до настоящего времени не было комплексного исследования, в котором деятельность Е.А. Малова рассматривалась бы во всём многообразии её проявлений; в настоящей работе эти направления впервые объединены в единую аналитическую конструкцию.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ, ОТРАЖЕННЫЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Салахов М.Р. Роль Е.А. Малова в становлении отечественного востоковедения // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 2. – С. 91–94.

2. Салахов М.Р. Евфимий Александрович Малов и миссионерская деятельность Братства святителя Гурия во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2014. – № 4, том 4 История – С. 126–130.

3. Салахов М.Р. Миссионерская деятельность Братства святителя Гурия в конце XIX – начале XX веков (роль Евфимия Александровича Малова) // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 57–60.

4. Салахов М.Р., Калимонов И.К. Концепт «конца света» в трактате Сулеймана Бакыргани «Ахырзаман китабы» («Книга о конце света») в интерпретации Е.А. Малова // Minbar. Islamic Studies. – 2025. – Т.18, №3. – С.540–555.

Научные издания (книги, брошюры):

1. Салахов М.Р. Евфимий Александрович Малов: исламовед и миссионер / М.Р. Салахов, Д.Ф. Токпаева. – Казань: ЯЗ, 2016. – 100 с.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

1. Салахов М.Р. Исламоведение в трудах Евфимия Александровича Малова. // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы: материалы I международного научно-практического симпозиума (19–20 февраля 2009 г.): в 2 томах. – Том I/ под ред. Б.М. Ягудина. – Казань, 2009. – С. 45–50.

2. Салахов М.Р. Казанская духовная академия – один из центров изучения восточных языков в дореволюционной России. // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. – Казань: РИИ, 2009. – С. 423–428.

3. Салахов М.Р. Востоковедение в Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX века. Миссионерский аспект. // «Минбар»: Сборник

материалов международной научно-практической конференции «Исламское образование в России и за рубежом» (27–30 сентября 2009 г.). – Казань, 2009. – С. 144–156.

4. Салахов М.Р. Роль Е.А. Малова в становлении отечественного востоковедения // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 26–27 февраля 2009 г.) / отв. ред. А.И. Ногманов. – Казань, 2009. – С. 59–64.

5. Кострюков М. А., Салахов М. Р. Жизнь замечательных людей: Евфимий Малов // Раифский вестник. – 2009. – № 5. – С. 12.

6. Салахов М.Р. Исламоведение в трудах Евфимия Александровича Малова. // Сборник научных статей. – Казань: РИИ, 2010. – С. 61–66.

7. Салахов М. Р. Христианский миссионер Е. А. Малов и процесс становления российского исламоведения в конце XIX - нач. XX века // Minbar. Islamic Studies. – 2010. – Т. 3, №1. – С. 152–155.